

Едва император Чунчжао покинул покои, Цюй Дубянь для видимости капризно хныкнул пару раз и затих. Он позволил Спутнику Е уложить себя обратно на драконье ложе, даже не пытаясь больше вредничать.

Сил протестовать просто не осталось.

Его новоявленный папаша не смыкал глаз всю ночь, но и сам Дубянь провёл это время в полузабытьи, лишь изредка проваливаясь в неглубокий, тревожный сон.

Впрочем, ночные события показали: терпение императора оказалось куда выше, чем можно было ожидать. Даже не имея к сыну особой привязанности — ведь тот не рос у него на глазах, — Чунчжао, смягчившись из-за памяти о наложнице Юнь и болезни мальчика, лично выхаживал его до самого рассвета.

Дубянь принялся мысленно восстанавливать цепочку событий последних двух дней.

Сначала — «Озорные сны», заставившие отца заранее предчувствовать его болезнь. Затем — записка об «исчезновении», призванная пробудить в государе чувство вины. И наконец — финал: явное доказательство того, что ребёнка травили избыточными дозами лекарств.

Его образ в глазах императора начал стремительно меняться: из «греховного плода», несущего несчастья, он превращался в невинную жертву, которую кто-то планомерно пытался свести в могилу.

Это была тонкая игра, и в ней было над чем поразмыслить.

«Раз я жертва, то как давно это началось?»

Перелом в отношении отца произошел именно из-за этого подозрения — ну и, возможно, вмешательство бабушки сыграло свою роль. Дубянь слышал их ночной разговор, хоть и не до конца понимал, какой вес имеют Хоу в сердце императора.

Ещё одним ключевым моментом стал пожар.

Пока его несли на руках, он краем уха слышал доклад: в Астрологическом управлении вспыхнуло пламя, а на пепелище проступил иероглиф «Ложь».

Дубянь не знал, чьих это рук дело — политических врагов ведомства, людей из поместья Маркиза, Держащего Меч или тайного доброжелателя, — но искренне считал этот пожар истинным божественным провидением!

Пусть ход был грубым и прямолинейным, теперь любые беды Астрологического управления будут приписаны гневу небес, а их предсказания — поставлены под сомнение.

Ведь согласно их прогнозам, его «греховная мощь» сейчас на пике. Если бы император приблизился к нему, дворец должны были захлестнуть катастрофы. Но теперь, когда Седьмой принц живет во дворце Цзычэнь, в самом сердце власти, кругом объявлено военное положение, стража начеку, и любые попытки врагов совершить новое злодейство лишь приведут их на плаху.

Итог: мальчик в Цзычэне, а во дворце тишина и покой.

Интересно, как теперь те, кто желал ему смерти, будут оправдываться перед государем? И как они планируют избежать расплаты?

Перед тем как Дубянь окончательно провалился в сон, императорский лекарь Ян ещё раз зашёл проверить пульс.

До ушей принца долетал приглушенный шепот Е Сяюаня:

— Он всё ещё горячий... Когда же наконец спадет этот жар?

— Всю ночь температура то поднималась, то падала, — вполголоса отвечал лекарь. — Сейчас мы лишь приглушаем симптомы. Тот яд, что давали ему раньше, мешает действию нынешних лекарств. Нужно время.

Ян тяжело вздохнул и добавил:

— Если переживём это, опасность минует. Но в будущем за Его Высочеством потребуются особый уход. Сейчас он развит куда слабее своих сверстников... Впрочем, это поправимо. За несколько лет мы его выведем.

Дубянь расслабился и под этот мерный шепот погрузился в глубокий сон.

Дворец Цяньцзи

Придворные, чьи уши всегда были настроены на дворцовые слухи, уже кое-что знали о ночных происшествиях.

Какими бы ни были их истинные мысли, сегодня каждый из них вел себя тише воды, ниже

травы, боясь невзначай разгневать и без того мрачного государя.

Император Чунчжао восседал на драконьем троне, слушая доклады министров, но перед его глазами то и дело всплывало бледное, измученное лицо младшего сына.

«Неужели он снова плачет без меня?»

Император невольно вздохнул.

Министр общественных работ, который как раз дошёл до распределения средств из казны и зачитывал план расходов, запнулся на полуслове.

— Ваше Величество... я в чём-то ошибся?

— Нет, — отозвался Чунчжао. — Продолжайте.

— Слушаюсь... — министр замялся, чувствуя неладное.

Император нахмурился.

«Не поднимется ли жар снова от крика в моё отсутствие? Да и поить его лекарствами — сущая мука. С его старшими братьями и сестрами таких хлопот никогда не было»

Государь вздохнул ещё раз.

Министр общественных работ с грохотом рухнул на колени:

— Ваше Величество! Моя преданность чиста как родниковая вода! У меня и в мыслях не было присвоить ни единого медяка! Каждая монета до последнего знака будет потрачена на нужды государства!

— ...

Прежде чем тот успел зайтись в истошном вопле, Чунчжао поспешно проговорил:

— Любезный чиновник, у Мы и в мыслях этого не было. Поднимитесь.

Министр мгновенно замолчал, отряхнул халат, встал и как ни в чём не бывало продолжил доклад.

Чиновники обменивались красноречивыми взглядами. Будучи людьми прожженными, они благоразумно отложили все несрочные дела на потом. В итоге утренний совет завершился на полчаса раньше обычного.

Едва покинув зал, Чунчжао стремительно направился к дворцу Цзычэнь.

У входа он увидел Чжан Фаньмина. Глава управления выглядел жалко: изможденный, с покрасневшими от лопнувших сосудов глазами. Завидев императора, он на коленях пополз ему навстречу.

— Ваше Величество! Дозвольте доложить!

Астрологическое управление стояло особняком: согласно древним заветам, его чины не имели права присутствовать на общих советах.

Евнух Юй покосился на него с долей сочувствия.

«Надо же, этот Глава управления простоял здесь на коленях всю ночь. В такой мороз... коленям его, верно, пришёл конец»

Чунчжао не замедлил шага, словно и не замечал его ночного бдения.

— Весьма кстати, — бросил он на ходу. — У Нас тоже есть к тебе пара вопросов.

Восточный боковой павильон дворца Цзычэнь

Всех слуг выставили вон; лишь евнух Юй застыл за столом безмолвной тенью.

Чжан Фаньмин стоял на коленях посреди зала. Чунчжао медленно прохаживался мимо стеллажей, лениво проводя пальцами по рукояти декоративной кривой сабли.

— Любезный Чжан, есть ли у тебя что сказать? Вчера в твоём управлении вспыхнул пожар, а на земле проступило слово «Ложь». Скажи-ка Нам... что это за ложь такая?

Чжан Фаньмин затаил дыхание.

— Я прибыл именно ради этого, — он отвесил низкий поклон, коснувшись лбом пола. — Молю Ваше Величество о правосудии. В Астрологическом управлении нет и не было места обману! Мы никогда не лгали государю! Тот пожар — дело рук злоумышленников, желающих

подставить меня и очернить мою честь.

— Вот как? И кто же желает тебе зла? А главное — зачем?

Чжан Фаньмин опустил голову:

— Мне это неведомо.

— Ты не «не ведаешь», ты просто молчишь. Нам известны твои подозрения. Но Наш младший сын... маленький ребенок двух с лишним лет, запертый в четырех стенах. Кто бы помог ему? У кого бы хватило дерзости поджечь твою драгоценную стелу?

— Я...

Вжик!

Холодный блеск стали. Ледяное лезвие сабли прижалось к шее Чжан Фаньмина.

— С тех пор как Мы отослали Седьмого принца в дворец Цзюйань, Мы не спускали с тебя глаз два года.

Сердце Фаньмина пропустило удар, зрачки сузились от ужаса.

Чунчжао стоял над ним, сжимая саблю; его взгляд был подобен арктическому льду. Горло чиновника словно сдавили невидимые тиски, пальцы мгновенно похолодели. Воздух в зале стал густым и удушливым. У евнуха Юя на затылке зашевелились волосы.

— Ты ведь знаешь Нас. В начале своего правления Мы пролили немало крови.

Чжан Фаньмина начала бить мелкая дрожь.

— Скажи правду: имел ли ты отношение к тому, что случилось с наложницей Юнь? И насколько истинны твои речи о «греховном плоде»?

Чунчжао наклонился, схватил Фаньмина за воротник и заставил смотреть себе в глаза. Его голос был тихим, но в нём слышался гул надвигающейся бури.

— Нам кое-что известно, любезный Чжан. Если есть тайный умысел — говори сейчас. В память о заслугах твоих предков Мы, быть может, сохраним тебе жизнь. Сгубить наложницу, оклеветать принца, а теперь пытаться выдворить его из дворца... Какую цель ты преследуешь на самом деле?!

— Ваше Величество!! — Чжан Фаньмин резко подался вперед. Острое лезвие полоснуло его по шее, кровь брызнула на пол, но он, не обращая внимания на рану, с силой ударился лбом о каменные плиты, мгновенно разбив его в кровь.

— Результаты гаданий тогда были именно такими! Я никогда не обманывал Ваше Величество!!

Его глаза наполнились слезами, голос дрожал от отчаяния:

— Лишь в деле с переездом Его Высочества в загородный дворец у меня были сомнения, о которых я не доложил полностью! Во всём же остальном — если есть хоть капля лжи, пусть небо покарает меня смертью! Я служил верой и правдой, не ведая, что навлек на себя подозрения государя. Раз так — лучше мне доказать свою преданность ценой жизни!

С этими словами в глазах Фаньмина вспыхнула решимость. Он внезапно вскочил и с разбегу бросился головой на одну из колонн зала!

Глухой удар!

Он рухнул на пол без сознания. Любой свидетель этой сцены назвал бы его поступок проявлением истинной верности.

В воздухе разлился запах крови. Чунчжао медленно выпрямился и убрал саблю.

Евнух Юй поспешно подбежал к упавшему.

— Ваше Величество, он без чувств. Императорский лекарь Ян совсем рядом, позвать его?

— Позови.

Ян явился незамедлительно. После нескольких уколов иглами Чжан Фаньмин пришёл в себя, преодолевая жуткую боль в голове.

— Что ты скрыл от Нас? Говори ясно, — велел Чунчжао.

Фаньмин, содрогаясь от муки, подполз к ногам императора:

— То, что греховная мощь Седьмого принца велика — правда. Но высылка в загородный дворец была не единственным путем. Есть и иной способ... однако он идет вразрез с этикетом и может навредить престижу государства.

— Продолжай.

— Сил императорской власти над гаремом достаточно, чтобы подавить злые чары. Если посмертно провозгласить наложницу Юнь императрицей, это снимет проклятие. Но по закону, если у покойной наложницы есть живой сын, её нельзя возводить в этот ранг. Потому-то я и молчал.

— А когда ты проводил те гадания, был ли кто-то рядом?

— Лишь юные ученики из новых чиновников управления... Я... я не обратил внимания!

Выслушав это, Чунчжао не стал отвечать. Он просто бросил саблю на пол.

— Подними и верни в ножны.

Стиснув зубы, Чжан Фаньмин, шатаясь, поднялся. Дрожащими руками он подобрал клинок и с глубоким почтением вернул его на подставку.

— Глава Астрологического управления Чжан Фаньмин за сокрытие истины и обман государя приговаривается к ста ударам палками и пути десяти шагов по гвоздям.

Фаньмин понял: после сотни палок и прогулки босиком по гвоздям его ноги будут изувечены навсегда. Он зажмурился.

— Благодарю Ваше Величество за милость.

Когда его утащили на казнь, Чунчжао покинул павильон — запах крови раздражал его.

— Ваше Величество, прикажете продолжать расследование пожара в управлении? — спросил евнух Юй.

— Ты ведь понял, что Мы его просто напугали? — бросил император.

— Вы не собирались убивать господина Чжана.

Чунчжао покачал головой и сменил тему:

— Что там с обыском в Медицинской академии?

— Есть зацепки, работаем.

— Слухи во дворце и за его пределами распространяются слишком быстро, — заметил

государь. — Прореди ряды слуг. И передай приказ: усилить патрулирование. Если за эти дни случится ещё хоть одна осечка — полетят головы.

— Слушаюсь.

Евнух Юй начал понимать истинный смысл произошедшего. Он ошибся: император действительно был готов убить Чжана. Лишь отчаянный, граничащий с безумием поступок Фаньмина в миг наивысшего подозрения спас ему жизнь. Если бы он хоть на секунду заколебался, он бы не отделался одними лишь искалеченными ногами.

Брошенная на пол сабля была напоминанием: власть Астрологического управления дарована императором. И император может забрать её в любой миг.

Астрологическое управление

Чжан Фаньмин лежал на бамбуковых носилках. Нижняя часть его тела была залита кровью, ступни превратились в месиво из мелких ран от гвоздей. Кровь мерно капала сквозь щели настила.

Поравнявшись со стелой управления, он хрипло скомандовал:

— Стой.

Евнухи-носильщики остановились. Фаньмин поднял голову, глядя на почерневший от огня камень. Резные наставления предков едва читались под слоем копоти.

— Выглядите вы неважно, дядя.

Чжан Чаньсы подошла ближе, бесстрастно глядя на страдания своего сородича. Она сделала знак евнухам оставить их. Когда те ушли, она присела рядом и вздохнула:

— Сколько же раз вам нужно перечитывать заветы предков дома Чжан, чтобы наконец усвоить их суть?

Фаньмин зашелся в кашле, сплевывая кровь. В его голосе послышалась горькая ирония:

— Ты думаешь, чьим трудом добыты те сытые годы, что ты провела в этих стенах? Без меня Астрологическое управление так и осталось бы никчемным придатком дворца. Уважение? Ха... кто нас уважает? Что это за чиновники, которым закрыт путь на императорский совет? Мы —

потомственная династия звездочетов, но наши дети лишены права сдавать государственные экзамены и расти в чинах. Чем это отличается от клетки? Мы лишь певчие птицы, которых император держит для забавы. Захочет — свернет шею, и никто в столице даже не заметит нашего исчезновения.

В этот раз он едва уцелел, поставив на кон всё. Чжан Фаньмин вел опасную игру. В приступе отчаяния он солгал императору о «втором способе» — возведении наложницы Юнь в ранг императрицы. А ещё он упомянул, что при гаданиях присутствовали младшие ученики. Эта весть наверняка долетит до нужных ушей.

Если Юнь станет императрицей, Седьмой принц превратится в законного наследника. При живой, но бездетной нынешней императрице он получит неоспоримое преимущество. Многие во дворце костью лягут, чтобы не допустить этого.

А значит, император неизбежно решит, что все беды последних дней — лишь часть подковерной борьбы за трон.

Вспоминая слова Чунчжао о двухлетней слежке, Фаньмин чувствовал, как по спине ползет ледяной пот. Его жизнь висела на волоске. Слава небу, ему удалось вывернуться... иначе он бы не дожился до этого часа.

Он вцепился в подол платья Чжан Чаньсы.

— Дорогая племянница... вели слугам отнести меня внутрь. Поставят меня на ноги — и благоденствие нашего управления продолжится.

На светло-зеленой ткани остались кровавые отпечатки пальцев. В спокойном взгляде Чаньсы промелькнула тень жалости.

— Раз вы так больны, дядя, вам стоит хорошенько отдохнуть. В нашем поместье есть тихий, уединенный флигель — лучшее место для покоя. Поживете там какое-то время, и силы наверняка вернутся к вам.

Фаньмин не поверил своим ушам:

— Ты... ты хочешь запереть меня?! Ты хочешь занять моё место!

Хоть он и не чувствовал ног, его словно бросило в ледяную прорубь. Глядя на холодное, безучастное лицо племянницы, Фаньмин ощутил всю нелепость своего положения. Он вырвался из пасти тигра лишь для того, чтобы получить удар в спину от собственной семьи.

— Вы сами учили меня, дядя: нужно всегда стремиться вверх, — негромко проговорила Чжан Чаньсы. — Желание власти — не грех. Но вы выбрали неверный путь. Ваша партия проиграна.

Если отойти в тень сейчас, у семьи ещё есть шанс уцелеть. Если продолжить эту игру — погибнет весь наш род.

Она медленно высвободила край своего платья из его рук.

— Я лишь помогаю вам, дядя.

Рука Чжан Фаньмина бессильно упала на холодные камни. Под суровым взглядом обгоревшей стелы его пальцы коснулись пепла.

Дворец Цзычэнь

Цюй Дубянь проснулся около девяти утра. Е Сяюань всё это время был рядом, то и дело касаясь его лба, проверяя температуру.

Жар принца был вызван Симулятором болезней, и даже лекарства не могли его полностью сбить. Дубянь потянулся и коснулся влажной ткани с колотым льдом, лежащей у него на голове.

— Спутник Е...

Голос был слабым и хриплым. Дубянь даже обрадовался — по крайней мере, он больше не звучал как простуженная ворона. В голосе появилась хоть какая-то мелодичность.

Сяюань, помня слова лекаря о возможном вреде для рассудка, тут же встревоженно спросил:

— Ваше Высочество, вы как? Ничего не болит?

Дубянь поочередно указал на голову, на горло и, наконец, на живот. Он хитро улыбнулся:

— Кушать хочу!

Он сел и, обхватив Сяюаня за шею, буквально повис на нём.

— Идем обедать.

На самом деле ему не было так уж плохо; просто тело казалось ватным и непослушным. Но он решил вести себя поживее, чтобы не пугать верного слугу.

Е Сяююань велел подавать еду.

— Спутник Е, а мы где? — спросил Дубянь. Он прекрасно знал, где находится, но не хотел выдавать свою осведомленность. Он с любопытством огляделся по сторонам: — Тут так красиво... И места во-о-от столько, не то что в дворце Цзюйань.

Он с детским восторгом трогал шелковые одеяла, полог кровати, резные столбики ложа.

Евнух Бао внес поднос с едой — Е Сяююань ещё ночью распорядился подготовить всё, что любит принц.

— Маленький принц, это же покои Его Величества, — с улыбкой проговорил Бао, ставя поднос на невысокий столик у окна. Он поправил расшитую подушку: — Евнух Сяююань, неси Его Высочество сюда.

В зале было тепло — полы топили на славу. Дубянь в одной легкой куртке переключался на кан. На столике в изящной вазе стояла ветка желтой сливы, наполняя угол тонким ароматом.

Мальчик сам взял миску. Ручонки его были слишком малы для палочек, поэтому он вовсе орудовал маленькой ложкой. Сяююань лишь изредка подкладывал ему лучшие кусочки.

— А где Сяочунь?

— На Большой кухне, — ответил Сяююань. — Там сейчас проводят дознание по поводу пожара.

Он внимательно следил за реакцией мальчика. Услышав слова «покои Его Величества», Дубянь даже бровью не повел.

Сяююаня это насторожило.

«Принц сбежал в мороз, оставил ту записку... Всё только ради того, чтобы увидеть отца. Почему же теперь он так спокоен?»

Дубянь тем временем тоже размышлял о пожаре. Откусив кусочек хрустального баоцзы, он проговорил:

— Сяочунь такой послушный, он ни в чём не виноват. Спутник Е, вели ему поскорее возвращаться.

Горло всё ещё саднило, и глотать было трудно.

— Хорошо, Ваше Высочество, — не меняясь в лице, отозвался Е Сяюань.

Они сидели вдвоем, негромко переговариваясь, и в их скромной трапезе сквозило такое созвучие, какого редко встретишь в этих стенах. Император Чунчжао, замерший за ширмой, сам не понимал, почему медлит и не входит.

Лишь когда евнух Бао, залюбовавшийся тем, как забавно принц уплетает обед, заметил государя, тишина была нарушена.

— Ваше Величество! — поспешно склонился Бао.

Чунчжао помедлил секунду и вошёл. Его взгляд сразу упал на Дубяня, сидящего у окна. Мальчик сосредоточенно жевал, его щеки смешно раздулись. Глаза — точная копия глаз его матери — смотрели чисто и ясно. Хрупкий, худенький... он сидел там, похожий на маленький, недопеченный пирожок.

Трудно было поверить, что ещё ночью этот ребенок до смерти не хотел его отпускать.

Чунчжао подумал:

«Вот сейчас он снова ко мне полезет, и тут-то я ему и скажу... В императорской семье отношения отца и сына не могут быть такими же, как у простолюдинов»

Дубянь, держа в руке хрустальный баоцзы, замедлил движения.

— Приветствуем Ваше Величество, — Е Сяюань склонился в глубоком поклоне.

— Хм, — Чунчжао прочистил горло.

Ребенок за столиком наконец зашевелился. Он проглотил еду, и в его ясном взгляде на миг промелькнуло то самое недетское соображение, о котором твердил Великий наставник Фан. Цюй Дубянь смотрел на него несколько секунд.

Затем негромко произнес:

— Приветствую Ваше Величество.

«Ваше Величество», а не «отец».

Как и в ту ночь, когда он не смог выговорить заветное слово, Дубянь больше не собирался называть его так. В его голосе не было ни капли той надежды и восторга, что светились при их

первой встрече. Осталось лишь тихое, ровное спокойствие. Мальчик осторожно спрятал руку с баоцзы за спину.

Он даже сел прямее, с какой-то робкой осторожностью, словно гость в чужом доме.

— Я проголодался, поэтому поел здесь... — он осекся, и голос его стал совсем тихим. — Я не оставлю... ничего дурного в этих покаях.

<http://bllate.org/book/16117/1586684>